

Торжество Бунина

Въ триумфъ Бунина есть нѣчто утѣшительное не только для русскаго національнаго самолюбія. Онъ долженъ порадовать всѣхъ поклонниковъ «чистаго» искусства. Рѣшеніе стокгольмской академіи не доказываетъ ли, что художественное твореніе обладаетъ абсолютной цѣнностью, что оно не нуждается ни въ какихъ примѣсахъ и подпоркахъ, ни въ соціальной канвѣ, ни въ исторической перспективѣ? Стоитъ только подумать о творествѣ послѣднихъ нобелевскихъ лауреатовъ — о «романсированныхъ» репортажахъ Синклера Льюиса, о семейныхъ хроникахъ Гольсуорти, — чтобы увидѣть, насколько увѣнчаніе этихъ писателей обусловлено было привходящими и, въ сущности, чуждыми искусству обстоятельствами — бытовымъ и соціальнымъ содержаніемъ ихъ романовъ, приобретающихъ такимъ образомъ значеніе документовъ, авторитетныхъ свидѣтельствъ объ эпохѣ, иногда даже — активнаго вмѣшательства въ борьбу классовъ, поколѣній, политическихъ теченій.

Всего этого творчество Бунина лишено. Лишено отчасти волею историческихъ событій, разрушившихъ тотъ бытовой и общественный укладъ, на фонѣ котораго ему, казалось, предназначено было развернуться, но, главнымъ образомъ, въ силу таинственныхъ вѣлній личной судьбы, замкнувшей художественное міроощущеніе Бунина въ тѣсный (но насколько просторный для него!) кругъ внѣ-временныхъ и внѣ-мѣстныхъ вопросовъ человѣческаго бытія — жизни, смерти и любви.

Изъ заколдованнаго круга этихъ темъ никакое художественное творчество, въ концѣ концовъ, выйти не можетъ. Но оно разбавляетъ ядъ «послѣднихъ вещей» всѣмъ тѣмъ, чѣмъ разбавленъ и ослабленъ онъ въ дѣйствительной жизни: оно «дезинтегрируетъ» бытіе, разлагая его на безчисленные, великія и малыя, проблемы и тѣмъ защищая людей отъ самыхъ страшныхъ загадокъ, поставленныхъ природой. Одинъ во всей современной литературѣ, Бунинъ съ великолѣпнымъ мужествомъ пренебрегъ этой спасительной броней. О чемъ бы онъ ни говорилъ, что бы ни изображалъ, вездѣ, всегда занимаетъ его только одно: сокровенныя, роковыя силы природы, вѣчная тайна рожденія, любви и смерти, т. е. то, что непосредственно дано художнику, какъ высшее содержаніе его творчества.

Разумѣется, то, что происходитъ въ произведеніяхъ Бунина, совершается не въ безвоздушномъ пространствѣ. Но воспроизводя, съ волшебной силой, внѣшній міръ, Бунинъ не располагаетъ въ немъ обособиться, какъ Льюисъ или Гольсуорти, не соглашается жить его интересами. Онъ создаетъ конкретный міръ — природу, живыхъ людей и все

ими сотворенное — лишь для того, чтобы все это разрушить. Потому что надо всѣмъ царить неумолимый законъ природы, ведущій, черезъ радость и прелесть бытія, къ уничтоженію и смерти. И только этой первичной, внѣчеловѣческой силѣ послушно творчество Бунина.

Въ Бунинѣ принято чтить прежде всего мастера русской литературной рѣчи, и кто станетъ оспаривать его право на это званіе? Но силою вещей шведская академія не могла дать воздѣйствовать на себя обаянію его языка и стиля. Помня, поэтому, что передъ иностранными судьями произведенія Бунина предстали лишенными того покровя, которымъ неизбѣнно восхищаются они русскаго читателя, нельзя не воздать должное приговору, сумѣвшему оцѣнить возвышенный строй бунинскаго творчества независимо отъ его звукового и ритмическаго обаянія. Но оказалось это возможнымъ только потому, что весь неисчерпаемый запасъ доступныхъ ему средствъ художественнаго выраженія Бунинъ поставилъ на службу своей подлинной, глубоко-человѣческой тревоги и неослабнаго напряженія своей творческой воли. Повторяемъ, его торжество — рѣдкій праздникъ чистаго искусства.

СТОЛЬ

I

Мой письменный вѣрный столяр!
Спасибо за то, что стволъ
Отдавъ мнѣ, чтобъ стать стол-
ломъ —
Остался живымъ стволемъ:

Съ листы молодой игрой
Надъ бровью, съ живой корою,
Съ слезами живой смолы,
Съ корнями до дна земли.

II

Мой письменный вѣрный столяр,
Спасибо за то, что шелъ
Со мною по всѣмъ путямъ,
Меня охранялъ, какъ шрамъ.

Мой заживо-смертный тесъ,
Спасибо, что росъ и росъ
Со мною, по мѣрѣ дѣлъ
Настольныхъ — большалъ, ширѣлъ.

Мой письменный выучный муль,
Спасибо, что ногъ не гнулъ
Подъ ношей. Поклажу грезъ
Спасибо, что несъ и несъ.

Такъ ширился, до широтъ —
Такихъ, что раскрывши ротъ,
Охватясь за столовый кантъ...
— Меня заливалъ, какъ шtrandъ!

Строжайшее изъ зеркаль!
Спасибо за то, что сталь
— Соблазнамъ мірскимъ порогъ —
Всѣмъ радостямъ поперекъ,

Къ себѣ пригвоздивъ чуть-свѣтъ,
Спасибо за то, что вслѣдъ
Срывался. На всѣхъ путяхъ
Меня настигалъ, какъ Шахъ

Всѣмъ низостямъ наотрѣзъ!
Дубовый противовѣсъ
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.

Бѣглянку.
— Назадъ, на стулъ!
Спасибо за то, что блюлъ
И гнулъ. У невѣчныхъ благъ
Меня отбивалъ, какъ Магъ —

Сомнамбулу.

Битвъ рубцы
Столь выстроившій въ столбцы
Горящіе: жиль багрець!
Дѣяній моихъ столбець!

Тѣмъ былъ мнѣ, чѣмъ морю
толпъ
Еврейскихъ — горящій столпъ.

Столпъ столпника, усть затворъ —
Ты былъ мнѣ престолъ, просторъ,

Такъ будь же благословенъ —
Лбомъ, локтемъ, узломъ колѣнъ
Испытанный, какъ пила,
Въ грудь вѣвшійся — край стола!

Марина Цвѣтаева.

Клармаръ, іюль 1933 г.

ВОДОПАДЪ

Всегда, сколько я себя помню, каждый разъ, ложась спать, я представляю себѣ идущій поѣздъ или пароходъ, вздрагивающій диванъ вагона или чуть покачивающуюся постель каюты. И вотъ, закрываешь глаза и тотчасъ слышишь тихій гулъ и видишь множество вещей; слышишь фразы чьего нибудь разсказа, видишь бѣлый дымокъ паровоза въ какой то безконечно далекой странѣ; и вспоминаются такіе случаи или соображенія, о которыхъ потомъ, днемъ, забываешь вовсе. И точно такъ же, какъ есть и слова или поступки, возможные только вечеромъ или ночью, такъ существуетъ — въ моемъ представленіи — торопливая и почти беззвучная жизнь передъ сномъ.

— Какъ вы хотите, чтобы я писалъ? — говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей. — Вы останавливаетесь передъ водопадомъ страшной силы, превосходящей человѣческое воображеніе; льется вода, смѣшанная съ солнечными лучами, въ воздухѣ стоитъ сверкающее облако брызгъ. И вы держите въ рукахъ обыкновенный чайный стаканъ. Конечно, вода, которую вы наберете, будетъ той же водой изъ водопада; но развѣ чловѣкъ, которому вы потомъ принесете и покажете этотъ стаканъ, — развѣ онъ пойметъ, что такое водопадъ? Литература — это такая же бесплодная попытка.

И вотъ, засыпая, я вспоминаю этотъ разговоръ; уже все темнѣетъ вокругъ меня, уже сонъ начинаетъ спускаться, какъ медленно летящій снѣгъ, и я отвѣчаю:

— Не знаю; можетъ быть, чтобы не забыть. И съ отчаянной надеждой, что кто то и когда нибудь — помимо словъ, содержанія, сюжета и всего, что въ сущности такъ неважно — вдругъ пойметъ хотя бы что либо изъ того, надъ чѣмъ вы мучаетесь долгую жизнь и чего вы никогда не сумѣете ни изобразить, ни описать, ни разсказать.

— о —

Французскій инженеръ, эльзасецъ, служившій во время войны въ германской арміи — въ силу глупой случайности, — разсказываетъ, что чловѣкомъ, котораго онъ больше всего ненавидѣлъ, — какъ и всѣ